



УДК 94/99.1:172(11)/(13)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТРУДЕ В ЭТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДЕЯТЕЛЕЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИЗМА XIV В.

А. Б. ГОРДИЕНКО*Ставропольский
государственный
университет*

В статье рассматривается широкий круг проблем, связанных с развитием представлений о труде и досуге в эпоху Средневековья и Возрождения. Сравнивается трудовая этика первых итальянских гуманистов и представителей средневековой христианской традиции.

Ключевые слова: труд, этика, гуманизм, Ренессанс, otium, negotium, христианская мысль Средневековья.

Эпоха Возрождения – время формирования новых мировоззренческих установок у разных слоев европейского общества. Без обращения к воззрениям ренессансных интеллектуалов Италии невозможно понимание особенностей менталитета современного западного человека. Важной стороной этических поисков итальянских гуманистов стала выработка светских представлений о труде и мирской активности. Отличие взглядов ренессансных мыслителей от традиционно средневековых моральных установок проявляется уже у деятелей гуманизма XIV в. – Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо.

В русле средневековой христианской традиции сформировалось несколько подходов к оценке трудовой активности. Она воспринималась как жизненная необходимость, средство покаяния, творческий процесс, наказание за первородный грех. Однако, учение о последнем, оказавшее огромное влияние на этическую доктрину ортодоксального католицизма, наложило наибольший отпечаток на представления о труде в средние века. Недоверие к природе человека и его возможностям мешало оформиться, в рамках церковной традиции, пониманию индивида как творца, сознательно изменяющего окружающий мир в своей позитивной и самодостаточной деятельности.

Небезынтересным, в связи с вышеперечисленным, является обращение к императивам повседневного поведения гуманистов, как представителей особой прослойки общества для выяснения степени влияния на них традиционных средневековых этических установок. Сам характер увлечения деятелей гуманизма латинской словесностью, древнегреческой и древнеримской философией, предполагавший глубокое погружение исследователя в реалии прошлого, определял специфический распорядок жизни ренессансных мыслителей и его атрибуты. Не случайно, свои представления о труде и отдыхе гуманисты во многом черпали из античного мира, приспособив к действительности знания, добытые в ходе изучения его наследия.

Уже во второй половине XIV века гуманистические штудии неизменно связываются с понятием «досуга» (otium), заимствованным у Цицерона. Знаменитый оратор считал otium важной и равноценной (наряду с общественной активностью и трудом (negotium)) частью жизни и полагал, что выдающаяся личность должна уметь с достоинством проводить свободное время. «...Людам не подобает ни настолько гордиться достоинством, достигнутым деятельностью, чтобы не заботиться о своем покое, ни ценить высоко какой бы то ни было покой, если он не совместим с достоинством»¹, – отмечал Цицерон. Древние римляне допускали многозначность в толковании вышеуказанной категории. По замечанию отечественного исследователя Г.С. Кнабе, «в этом понятии соединялись для них удовлетворение выполненной жизненной задачей; отдых от дел, войны или общественных обязанностей; досуг, отдан-

¹ Цицерон М.Т. Речь в защиту Публия Сестия // Цицерон М.Т. Речь в двух томах. Пер. В.О. Горштейна. М., 1993. Т. II. С. 137.



ный творчеству, беседе и размышлениям; наслаждение красотой благоустроенной природы и произведений искусства»².

В средние века определения *otium* и *negotium* получили четко ограниченное практическое значение. Досуг стал ассоциироваться, прежде всего, с уходом от повседневных забот, монашеской праздностью и молитвенной созерцательностью. Вот как описывает *otium* представительница религиозного мистицизма XIV в. Екатерина Сиенская, следуя укоренившемуся в средневековом религиозном сознании стереотипу: «Бдения и молитва объединяют его (т. е. монаха – авт.) душу с богом, украшают его чистотой, дарят ему совершенную мудрость истинного познания самого себя и доброты бога в себе. Одним словом, дражайшие дети, он находит в святой молитве все сокровища и удовольствия, которых душа может жаждать в этой жизни»³. Понимаемый таким образом досуг превращался в череду молитвенных просветлений, не связанных творческим преобразованием внешнего, материального мира.

Negotium же в Средневековье рассматривался как бремя повседневного труда, обеспечивающего земное существование, тяжелого и не приносящего достаточного морального удовлетворения. Вот как выразил это понимание доминиканский проповедник Джованни Доминичи, современник первых гуманистов: «Работай ежедневно до немощи, согласно своим возможностям и потребностям. Не спи в кровати более 6 часов и не предавайся покою...»⁴. Такое представление о *negotium* лишало труд созидательного аспекта, приравнивало его к наказанию за первородный грех.

Однако, в Италии XIV – XV вв. вырабатывались и новые, отличные от средневековых установки. Для нас ценно деятельное понимание *otium*, предложенное итальянскими гуманистами. Отечественный историк Л.М. Баткин справедливо отмечает, что даже у первых ренессансных мыслителей досуг не ассоциировался с праздностью и бездеятельностью⁵. «Удивительное дело: хочу писать и не знаю, что и кому писать, но все равно – жестокое удовольствие! – бумага, трость, чернила и бессонные ночи мне милее сна и отдыха»⁶, – восклицает Петрарка, описывая один из своих творческих порывов. Свободное время Франческо заполнено интенсивным интеллектуальным трудом, который становится внутренней потребностью личности и раскрывает ее творческий потенциал.

У первых гуманистов особенно ярко проявляется противопоставление сладостного досуга, заполненного научными штудиями, службе (*negotium, officio*) и вынужденной трудовой активности, направленной на зарабатывание денег и обеспечение должного уровня жизни. В жизнеописании Данте, вышедшем из-под пера Джованни Боккаччо, автор сетует на то, что поэт, обратившийся «к делам государственным» и «обольщенный суетными почестями», не смог посвятить достаточное время творчеству и самообразованию⁷. По-видимому, в значительной степени, такое резкое противопоставление досуга и службы в произведениях гуманистов XIV века можно объяснить тем, что ренессансные мыслители, начавшие осознавать в ходе повседневной активности особенность своих увлечений, хотели с одной стороны определить для себя их круг, с другой – попытаться продемонстрировать их преимущества остальным. Небезосновательным в этой связи, выглядит замечание Л. Мартинеса, написавшего, что «проекты возвращения в античность были путем привлечения внимания к своей деятельности»⁸.

² Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность: очерки. М., 1986. С. 38.

³ Сиенская Екатерина. Письма // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1988. Ч. 2. С. 133.

⁴ Dominici G. Regola del governo di cura familiari / A cura di D. Salvi. Firenze, 1860. P. 57.

⁵ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995. С. 57.

⁶ Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. Пер., вступ. статья и примечания В.В. Библихина. М., 1982. С. 136.

⁷ Боккаччо Дж. Жизнь Данте // Боккаччо Дж. Малые произведения. Сост., предисл. и общ. ред. Н. Томашевского. Л., 1975. С. 534.

⁸ Martines L. Power and imagination. City-states in Renaissance Italy. New York, 1988. P. 196.



Еще одним мотивом, побуждающим первых гуманистов столь упорно подчеркивать уникальность своих трудов на досуге, является отстаивание права на самовыражение в системе координат, не связанной ни с признанной университетской структурой образования, ни с государственной службой. «Только я один стойко сопротивлялся и отказывался от золотого ярма не меньше, чем от деревянного или свинцового, свидетельствуя перед Богом и людьми, что у меня отнимают свободу и досуг, лучше влечения к которым природа, счастливее достижения которых – судьба не могла подарить ничего»⁹, – восклицает Петрарка, описывая свое пребывание при папской курии. И, хотя, нарисованный им образ мудреца, равнодушного к материальным благам, отнюдь не совпадает с реальным поведением Франческо, который проявил себя настойчивым просителем бенефициев, само высказывание показательно. Оно демонстрирует нам, какое важное место занимал ученый досуг в повседневной жизни гуманистов и в системе их трудовой этики, ассоциируясь со свободой творческого самовыражения и объединяя ренессансных мыслителей, как особую прослойку светской интеллигенции.

При этом первые гуманисты стремились подчеркнуть преимущества «*studia humanitatis*» не только по сравнению с другими видами общественного призвания, но и по сравнению с другими видами интеллектуальной деятельности. Петрарка вел усиленную полемику против схоластов, юристов, врачей, считая знания, связанные со старой образовательной системой, ущербными и не дающими полной картины знаний о человеке и мире¹⁰.

Означенное направление этических дискуссий получило распространение в гуманистической среде. Представители гуманизма более младшего поколения высказывали похожие мысли в своих трактатах и переписке. Зачастую они пренебрежительно относились к вышеуказанным видам умственного труда, или принижая их интеллектуальный потенциал, или низводя до ремесла, с помощью которого можно только зарабатывать деньги. Так, один из героев трактата Поджо Браччолини «Об алчности» называл теологов в числе тех, кто скрывает «под покровом веры» свое стремление к обогащению¹¹. Лоренцо Валла упрекал современных ему юристов за невежество¹². В другом месте своего сочинения «Элеганции» он обрушивается на необразованных теологов, воспевая «*studia humanitatis*»¹³. Такое отношение отчасти можно объяснить соображениями конкуренции, отчасти – сугубо антропоцентрической сердцевинной гуманистических знаний (риторики, этики, моральной философии, истории, филологии), носителям которых претила сухость юридических и медицинских наук или бесплодные схоластические умствования.

Однако в отношении к трудовой деятельности у первых представителей итальянского гуманизма присутствует и мотивы, говорящие о том, что традиционно средневековые моральные установки продолжают оказывать влияние на их мировоззрение. «Мы в неутомимом труде постоянно ищем светлых дней и счастья здесь на земле, где все эти светлые дни, все счастье, весь покой, все спасение, вся жизнь и вообще все – не что иное, как тернистый и трудный путь к вечной жизни»¹⁴, – пишет Петрарка, соглашаясь с мнением о тщетности всех человеческих усилий, направленных на достижение блаженства в ходе земного существования. Становится понятным, что гуманист еще не готов полностью признать труд самодостаточным явлением, могущим приносить абсолютное удовлетворение от творческого самовыражения.

⁹ Петрарка Ф. Указ. соч. С. 126.

¹⁰ Подробнее: Там же. С. 59–60. С. 74–76. С. 116–117 и т.д.

¹¹ Браччолини П. Застольный спор о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 84.

¹² Валла Л. Элеганции // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 128.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Петрарка Ф. Указ. соч. С. 118–119.



Кроме того, ренессансные мыслители XIV в. порой предостерегают от излишне утилитарной трактовки целей трудовой активности. В своем произведении «Жизнь Данте» Боккаччо порицает чрезмерное честолюбие, а также стремление добыть «знания, полезные лишь для накопления богатств»⁴⁵. Он критикует положение дел, когда «успех, а не добродетель» является «стандартом по которому оценивали людей»⁴⁶.

Рассмотрев отношение к трудовой активности у первых представителей итальянского гуманизма, можно сделать вывод о том, что Петрарка и Боккаччо плодотворно переработали этические концепции древних, касающиеся данного вопроса, приспособив их к реалиям своего существования. Гуманист четырнадцатого столетия «не только занимает свой досуг чтением лучших авторов, но следует в своей жизни и деятельности примерам и наставлениям, представленным в этих писаниях»⁴⁷. В частности, Боккаччо и Петрарка во многом вернулись к античному пониманию *otium*, как времени, заполненного сознательным творчеством и размышлениями.

Важным является дуализм трудовой этики ренессансных мыслителей XIV в. Они четко разграничивают творческие занятия на досуге и службу, направленную на зарабатывание денег, труд по необходимости и труд по призванию. Отчасти, столь строгая дефиниция остается еще средневековой. Однако, и *otium*, и *negotium* у Боккаччо и Петрарки наполняются несредневековым содержанием. Их трактовка близка к античной, но гораздо шире и разнообразней и, кроме того, имеет заметный акцент на сознательной человеческой активности. *Otium* понимается гуманистами как деятельность, способствующая интеллектуальному совершенствованию индивида, обогащению его внутреннего мира, и даже, порой, как видовой признак, определяющий принадлежность к гуманистической прослойке. *Negotium* же воспринимается скорее не как бремя тяжелого труда, взваленное на человека в наказание за первородный грех, а как не всегда приятное, но необходимое средство обеспечения научных штудий. Вместе с тем, на отношение деятелей раннего гуманизма к труду оказывают влияние представления, характерные для этической доктрины средневекового католицизма. Это проявляется в подчеркивании опасности для морального облика человека деятельности, направленной на обогащение или преуспевание. Творческий и созидательный потенциал самодостаточной трудовой активности также порой еще ставится под сомнение Боккаччо и Петраркой.

LABOUR IN ETHICAL CONCEPTS OF MEDIEVAL RELIGIOUS THINKERS AND ITALIAN HUMANISTS IN THE XIV CENTURY

A. B. GORDIENKO

*Stavropol
State University*

A wide range of problems are scrutinized in the article. They are connected with development of the beliefs about labour and leisure in epoch of the Middle Ages and Renaissance. The labour ethics of the first Italian humanists and representatives of the medieval Christian tradition are being compared.

Key words: labour, ethics, humanism, Renaissance, *otium*, *negotium*, Christian thought of the Middle Ages.

⁴⁵ Боккаччо Дж. Указ. соч. С. 526.

⁴⁶ Durant W. The Renaissance. A history of civilization in Italy from 1304–1576 A.D. New York, 1953. P. 588.

⁴⁷ Kristeller P.O. Renaissance thought II: Papers on humanism and arts. New York, 1965. P. 46.